

ведливости. У насъ существовали законы, даже слишкомъ много законовъ и указовъ; но не было живого русскаго права. У насъ издавались законы такъ сказать случайные, вызванные временными соображеніями и выражавшіе собою взгляды тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣятелей; но эти законы, каковы бы ни были ихъ достоинства и недостатки, имѣли мало общаго съ народными представленіями о правѣ. Если понимать законъ, какъ опредѣляетъ его знаменитый Савиньи, а именно какъ „органъ народнаго права“¹⁾, то такого закона не знала помѣщичья крѣпостная Россія.

Помѣщичьимъ, сословнымъ духомъ проникнуть весь „десятый томъ“ нашего свода законовъ. При своемъ чисто сословномъ характерѣ, наши гражданскіе законы трактуютъ преимущественно о правахъ дворянъ-помѣщиковъ, гораздо меньше о купечествѣ, и ужъ всѣмъ мало о мѣщанахъ. Наибольше мѣста удѣлено двумъ главнымъ элементамъ крѣпостнаго быта—интересамъ дворянства и казны, потому что эти двѣ силы исключительно господствовали въ жизни. Изъ 2,334 статей первой части десятаго тома только въ 64-хъ упоминается о большинствѣ населенія—о крестьянахъ. Любопытно въ этомъ отношеніи сравнить нашъ десятый томъ съ кодексомъ Наполеона. Французскій гражданскій кодексъ составленъ для всѣхъ вообще французскихъ гражданъ, безъ всякихъ сословныхъ или иныхъ различій; въ немъ поэтому могло бы вовсе не упоминаться особо о крестьянствѣ, тѣмъ болѣе, что во Франціи классъ поселянъ не имѣетъ такого преобладающаго значенія, какъ у насъ. Между тѣмъ въ этомъ всесословномъ гражданскомъ уложеніи мы находимъ 47 специальныхъ статей о сдѣлкахъ поселянъ съ землевладѣльцами и о наймѣ сельскихъ имуществъ,—и сущность этихъ постановленій заключается въ защитѣ интересовъ поселянъ, которые хотя и свободны и полноправны по закону, но фактически могутъ попасть въ зависимость отъ землевладѣльцевъ. Говоря о случаяхъ отдачи скота въ пользованіе и содержаніе поселянъ, французскій кодексъ постановляетъ, что въ договорахъ по этому предмету не допускаются такія условія, по которымъ крестьянинъ отвѣчалъ бы за потери въ большей мѣрѣ, чѣмъ участвуетъ онъ въ выгодахъ; сдѣлки, заключенныя вопреки этому правилу, въ ущербъ поселянамъ, считаются недѣйствительными²⁾. Очевидно, въ этомъ случаѣ французскій кодексъ, имѣющій репутацію строго-формальнаго и буржуазнаго уложенія, придерживается точнаго зрѣнія матеріальной справедливости по отношенію къ земледѣльческому классу. Такая заботливость о крестьянствѣ совершенно чужда на-

¹⁾ „Das Gesetz ist das Organ des Volksrechts“.

²⁾ Code civil, art 1800—1831 и др.